

To appear in: Т.М. Николаева, Т.Н. Молошная (ред.), *Типология грамматических категорий славянского пространства*.

СООТНОШЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССОВ НЕПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

П.М. Аркадьев (Институт славяноведения РАН)

0. Предварительные замечания

Словоизменительным классам — типам склонения и спряжения — уделялось довольно много внимания в связи с проблемой «автономности» морфологии как самостоятельного «модуля» языковой системы, содержащего свою собственную информацию, невыводимую из других уровней — фонологического, либо семантического или синтаксического (см. такие работы, как [Carstairs 1987; Carstairs-McCarthy 1994; Plank (ed.) 1991; Aronoff 1994; Müller et al. (eds.) 2004], а также [Зализняк 1967/2002, 1977; Крылов 1997/2002]). В данной статье я ставлю задачу другого рода, а именно, показать, что даже в языке с такой исключительно богатой и сложной системой словоизменительных классов, как литовский, морфологические характеристики лексем могут быть до определённой степени предсказаны на основании их семантики.

В статье рассматриваются так называемые первичные глаголы литовского языка — такие, основа инфинитива которых не содержит никаких словообразовательных аффиксов и тем самым нейтрализует практически все морфологические противопоставления, наблюдаемые в личных формах. Как я покажу, принадлежность глагола к одному из двух основных словоизменительных подклассов первичных глаголов литовского языка в большой степени мотивирована определёнными свойствами их семантики, а именно, такими параметрами, как *агентивность субъекта* и *акциональный класс* ([Та-

---

¹ Статья написана при поддержке гранта 23П Программа фундаментальных исследований ОИФН РАН и Фонда Содействия отечественной науке. Я приношу искреннюю благодарность А.В. Андронову, А.В. Дыбо, М.В. Завьяловой, А.А. Зализняку, Л.И. Куликову, Т.М. Николаевой, Б.Х. Парти, В.А. Плунгяну, Е.В. Рахилиной Я.Г. Тестельцу, В.Н. Топорову, А. Хольфуту и А. Юджентису за разнообразную помощь, которую я получал от них на разных стадиях работы над данной статьёй. Предварительная версия этого текста была представлена в виде доклада на международном Симпозиуме по идентификации и репрезентации глагольных классов и глагольных признаков, Саарбрюкен, февраль — март 2005 г. и опубликована в виде статьи [Arkadiev 2005], а также в виде доклада и презентации на 2-ой Летней школе и конференции по грамматике в пос. Салос, Литва, август 2005 г.

тевосов 2005]; *таксономическая категория* [Падучева 2004a]; *eventuality type* [Filip 1999]) глагола. Эти семантические признаки лежат в основе синтаксической классификации глагольных лексем в языках мира (см. [Van Valin 1990; Levin & Rappaport Hovav 1995, 1998]), и поэтому представляется глубоко не случайным тот факт, что именно эти семантические параметры оказались релевантными и для литовского языка, пусть и в такой «неожиданной» точке его грамматики, как распределение глаголов по типам спряжения.

В первом разделе статьи я даю краткую характеристику системе словоизменительных классов первичных глаголов литовского языка. Во втором разделе подробно рассматриваются семантические характеристики двух наиболее обширных подклассов первичных глаголов. В третьем разделе приводятся типологические данные, в частности, рассматриваются сходные явления в грузинском языке.

1. Морфологические классы первичных глаголов литовского языка

Система парадигматических классов первичных глаголов в литовском языке отличается своей сложностью, заключающейся, помимо обилия разнообразных словоизменительных средств, также и в ничем, казалось бы, не мотивированном выборе этих средств, закреплённых за каждой отдельной лексемой. Инфинитив этих глаголов (традиционно рассматриваемый как исходная форма) имеет структуру «корень+*ti*», из-за чего противопоставления типов основ, наблюдаемые в финитных формах, нейтрализуются, что дало основание Т.В. Булыгиной ([Булыгина 1970: 49 — 50; 1977: 244]) говорить о том, что форма инфинитива в наименьшей степени содержит информацию о спряжении глагола.

Известные мне работы по литовскому спряжению не предлагают классификации и адекватного описания словоизменительных типов первичных глаголов. Грамматика [Амбразас (ред.) 1985: 257 — 258] содержит лишь таблицу, в которой приводятся типы чередований основ, однако ни адекватной классификации этих типов, ни серьёзной попытки указать их распределение там нет. Грамматика [Senn 1966: 258 — 279] также приводит лишь подробно расклассифицированные по типам основ списки глаголов. Подробная и сопровождающаяся описанием наиболее общих семантических свойств глаголов («действие», «состояние» и т. п.), классификация в Академической грамматике [Ulvydas (red.) 1971: 219 — 235] не может быть признана достаточно точной ни в морфологическом, ни семантическом отношении, хотя она, несомненно, даёт весьма полное представление о формальном и смысловом разнообразии (правда, без каких-

либо обобщений) литовских первичных глаголов. «Динамическое описание литовского спряжения» в работе [Булыгина 1977: 238 — 269; см. также Булыгина 1970: 38 — 70] также не решает проблемы парадигматических классов, более того, эта задача в работе даже не ставится. То же можно сказать и о подробном очерке порождающей фонологии литовского языка [Heeschen 1968: 190 — 282]. Единственная известная мне полная классификация парадигматических классов литовских глаголов, в некоторых аспектах отличающаяся от содержащейся в данной статье, содержится в неопубликованном приложении к типологической работе [Dressler et al. 2004]; вопрос о соотношении морфологических признаков лексем с какими-либо другими, в частности, семантическими, в указанной работе опять же остаётся без внимания.

В силу того, что в настоящей статье основное внимание уделяется обнаружению корреляций между морфологическими и семантическими признаками литовских первичных глаголов, а не собственно морфологической проблематике, ниже я лишь в самых общих чертах обрисую «поверхностную» структуру словоизменительных подтипов рассматриваемых лексем. Более подробное и аргументированное описание морфологических классов первичных глаголов в духе «элементно-процессной» морфологии (см. [Зализняк 1967/2002; Булыгина 1977; Плунгян 2000: 71 — 78; Matthews 1972/1991: 21 — 22]) см. в работах [Аркадьев 2003, в печати].

Морфологические классы литовских первичных глаголов противопоставляются по следующим основным параметрам (следует сразу оговориться, что я рассматриваю лишь глаголы, корень которых заканчивается на согласный, оставляя без внимания немногочисленный и также весьма гетерогенный класс глаголов с основами на гласный и дифтонг):

1. наличие/отсутствие палатализации конечного согласного корня (= суффикса *-j-*) в основе прошедшего времени (Praet);
2. наличие/отсутствие палатализации конечного согласного корня (= суффикса *-j-*) в основе настоящего времени (Praes);
3. наличие/отсутствие назального инфикса/удлинения краткой гласной в основе Praes;
4. наличие/отсутствие суффикса *-st-* в основе Praes;
5. наличие/отсутствие чередования *i ~ e* в основе Praes;
6. наличие/отсутствие краткой ступени гласной в основе Praes при продлённой в основах Praet и инфинитива (Inf);

7. наличие/отсутствие продлённой ступени гласной в основе Praet при краткой в основах Praes и Inf.

Часть указанных параметров независимы друг от друга, часть же связаны взаимными ограничениями. Так, из теоретически возможных комбинаций признаков (1) и (2) (палатализация конечного согласного корня), встречаются, хотя и с разной частотой, все четыре; напротив, наличие в основе Praes инфикса, суффикса *-st-* или замены *i* на *e* автоматически исключает палатализацию в этой основе; продлённая же ступень гласной в основе Praet, с другой стороны, требует палатализации в этой основе. Всего выделяется тринадцать типов спряжения (исключая единичные лексемы с индивидуальными особенностями спряжения), схематически отображённые в таблице 1 (глаголы приводятся в формах инфинитива и 3 л. Praes и Praet).

Таблица 1. Морфологические классы первичных глаголов литовского языка

класс	параметр	(1) <i>j-Praes</i>	(2) <i>j-Praet</i>	(3) <i>n-Praes</i>	(4) <i>st-Praes</i>	(5) <i>i/e-Praes</i>	(6) <i>br-Praes</i>	(7) <i>ln-Praet</i>
(1)	<i>augti</i> 'расти': <i>auga, augo</i>	—	—	—	—	—	—	—
(2)	<i>piršti</i> 'сватать': <i>perša, piršo</i>	—	—	—	—	+	—	—
(3)	<i>leisti</i> 'пускать': <i>leidžia, leido</i>	+	—	—	—	—	—	—
(4)	<i>akti</i> 'слепнуть': <i>anka, ako</i>	—	—	+	—	—	—	—
(5)	<i>skristi</i> 'лететь': <i>skrenda, skrido</i>	—	—	+	—	+	—	—
(6)	<i>blankti</i> 'бледнеть': <i>blanksta, blanko</i>	—	—	—	+	—	—	—
(7)	<i>tižti</i> 'размякать': <i>tyžta, tižo</i>	—	—	+	+	—	—	—
(8)	<i>gimti</i> 'рождаться': <i>gimsta, gimė</i>	—	+	—	+	—	—	—
(9)	<i>minti</i> 'помнить': <i>mena, minė</i>	—	+	—	—	+	—	—
(10)	<i>pinti</i> 'плести': <i>pina, pynė</i>	—	+	—	—	—	—	+
(11)	<i>barti</i> 'бранить': <i>baria, barė</i>	+	+	—	—	—	—	—
(12)	<i>pūsti</i> 'дуть': <i>pučia, pūtė</i>	+	+	—	—	—	+	—
(13)	<i>vemti</i> 'тошнить': <i>vemia, vėmė</i>	+	+	—	—	—	—	+

Среди выделенных классов можно обнаружить более крупные противопоставления, связанные с иерархией, которую образуют выделенные выше признаки (эта иерархия отражена в порядке, в каком они приводятся в перечне и в таблице). На основании наиболее значимых признаков (1), (2), (3) и (4) можно выделить следующие «макроклассы» первичных глаголов (здесь я использую термин «макрокласс» в нестрогом смысле, как объединение нескольких более мелких словоизменительных классов на основании общих формальных признаков, не подразумевая при этом, что принадлежность лексемы к более дробному классу выводится из каких-либо её несловоизменительных признаков, ср. [Carstairs 1987: Ch. 2]):

1. Макрокласс I (классы 1—3): глаголы без палатализации в основе Praet и инфикса/суффикса *-st-* в основе Praes; в него входит ок. 30 лексем²;
2. Макрокласс II (классы 4—7): глаголы с инфиксом/суффиксом *-st* и без палатализации в основе Praet; в него входит ок. 270 лексем;
3. Макрокласс III (классы 8—10): глаголы с палатализацией только в основе Praet; в него входит чуть более 30 лексем;
4. Макрокласс IV (классы 11—13): глаголы с палатализацией в основах Praes и Praet; в него входит ок. 380 лексем.

Как видно, выделенные макроклассы весьма существенно различаются по числу входящих в них лексем; подавляющее большинство литовских первичных глаголов входит в один из двух макроклассов: II (инфиксальные/суффиксальные основы Praes) и IV (палатализованные основы Praes и Praet). Лексемы класса II я буду далее для удобства называть *n/st*-глаголами³, а лексемы класса IV — *j*-глаголами.

Итак, в данном разделе было обрисовано многообразие парадигматических классов литовских первичных глаголов с основной на согласный, показаны основные морфологические параметры, по которым они противопоставляются, и выделены наиболее крупные макроклассы, более дробное членение внутри которых я позволю себе в дальнейшем игнорировать. Как оказалось, эти макроклассы существенно различаются по своей «населённости»: примерно девять десятых всех рассматриваемых лексем попадает лишь в два из четырёх классов. В следующем разделе статьи будет подробно рассмотрен вопрос о семантической мотивации именно этих двух наиболее многочисленных классов⁴.

---

² Здесь и далее статистические данные приводятся по выборке из около 700 глаголов, извлечённой из литовско-русского словаря [Lyberis 1962].

³ Следует сразу отметить, что, за единичными исключениями, конкретный тип спряжения *n/st*-глагола может быть выведен из структуры его корня: несколько упрощая, можно сказать, что в корни с кратким гласным, за которым следует смычный согласный, вставляется инфикс, а ко всем прочим присоединяется суффикс *-st*, см. [Stang 1942: 132 — 133].

⁴ Я сознательно избегаю здесь термина «продуктивность», поскольку, несмотря на очень большое количество уже имеющихся в них лексем, классы *n/st*-глаголов и *j*-глаголов вряд ли пополняются новыми членами. В любом случае, никаких данных об этом у меня нет.

2. О семантической мотивации основных парадигматических классов первичных глаголов литовского языка

2.0. Предварительные замечания

Говоря о семантической мотивации какого-либо грамматического явления, в данном случае, об общих семантических свойствах морфологических классов лексем, необходимо, как мне кажется, принимать во внимание следующие моменты:

- противопоставление, выделяемое на формально-грамматических основаниях, лишь крайне редко является на 100 % предсказуемым на основании семантики; правилом является скорее статистически существенная корреляция между формальными и смысловыми параметрами; в особенности это касается таких явлений, как морфологическая классификация лексем, которая является лексически закреплённой и подвержена разного рода аналогическим и прочим подобным процессам, затемняющим семантическую мотивацию; здесь следует говорить скорее о *семантической доминанте* того или иного формального класса, нежели о семантических свойствах, общих для всех без исключения его членов;
- семантические признаки лексем, коррелирующие с их грамматическими особенностями, как правило, не лежат на поверхности и не «считываются» напрямую с их «наивного» словарного толкования; ср., например, работу [Levin & Rapoport Novak 1990], где показывается, что такой, казалось бы, «естественный» класс глагольной лексики, как глаголы движения, на самом деле является семантически гетерогенным; ср. также монографию [Падучева 2004а], где выделяются основные параметры грамматически релевантной семантической классификации глагольной лексики.

Ввиду вышесказанного, укажу, что выявляемые мною нетривиальные и неслучайные соотношения между семантическими и морфологическими классами первичных глаголов литовского языка не являются абсолютными и, как и всякие обобщения такого рода, имеют исключения. Тем не менее, статистическая существенность этих корреляций, как я надеюсь показать, не может быть подвергнута сомнению. Также следует учитывать, что семантические параметры, которые, как оказывается, отвечают за принадлежность литовского первичного глагола к одному из двух основных макроклассов, в довольно большой степени абстрактны, и относятся к наиболее общим и базовым «структурным» блокам глагольной семантики, а именно ролевой и аспектуальной организации значения предиката, к тому, что в литературе последнего времени принято называть «структурой события» (*event structure*, см. [Butt & Geuder (eds.) 1998;

Rothstein (ed.) 1998; Filip 1999; Tenny & Pustejovsky (eds.) 2000; Татевосов 2005; Kratzer ms.]). В следующем разделе будет кратко обрисована принимаемая в данной работе концепция глагольной семантики.

2.1. Теория лексической декомпозиции

В лексической семантике последних нескольких десятилетий можно, существенно огрубляя, выделить два основных подхода к описанию значения глагола:

- «текстовый», когда лексеме ставится в соответствие толкование — связный текст на некотором семантическом метаязыке, до определённой степени приближенном к естественному; основное свойство такой экспликации значения — претензия на *полное* описание значения слова, содержащее лишь необходимые и достаточные компоненты; ярким примером «текстового» подхода к семантике является Московская семантическая школа (см. [Апресян 1974/1995; Мельчук & Жолковский (ред.) 1984; Апресян (ред.) 2004]), а также лексикографические работы А. Вежбицкой ([Вежбицкая 1999], [Wierzbicka 1980, 1985, 1988, 1996] и др.);
- «структурный» подход, при котором в семантике слова выделяется некоторый, как правило, иерархически организованный набор «ядерных» компонентов, характерный не только для данной лексемы, но для целого лексического класса; предполагается, что этот абстрактный «шаблон» (*template*) отвечает за многие аспекты поведения лексемы, как семантического, так и грамматического — набор семантических ролей и возможных средств их выражения, сочетаемость с грамматическими категориями, такими как вид и время и проч.; компоненты значения, отвечающие за индивидуальные особенности лексем, при этом анализируются лишь в той степени, в какой это представляется необходимым для целей конкретной исследовательской задачи; в отечественной лингвистике такой подход наиболее последовательно отстаивается в работах Е.В. Падучевой и её школы (см. [Падучева & Кустова 1994; Падучева 1996: Ч. I; Падучева 2004а; Кустова 2004]); из зарубежных работ необходимо упомянуть [Dowty 1979; Jackendoff 1983, 1990; Levin & Rappaport Hovav 1995, 1998; Pustejovsky 1991, 1995; Croft 1991, 1998]; в последнее время можно отметить определённое движение в сторону «структурного» подхода и в Московской семантической школе, см. [Апресян 2003, 2004]).

Мне представляется очевидным, что для целей данной работы и вообще для грамматически-ориентированного анализа лексики лучше всего подходит «структурный» подход. Та его версия, которой я буду придерживаться, была предложена в уже упомянутых работах [Levin & Rappaport Hovav 1995, 1998] и основана на более ранней монографии [Dowty 1979]. Основные положения этой теории глагольного значения таковы.

Базовыми элементами, образующими семантику глагола, являются лексико-семантические шаблоны (*lexico-semantic templates*), задающие ролевую и событийную структуру значения. Набор шаблонов конечен и универсален и напрямую соотносится с, по предположению, универсальными акциональными классами предикатов⁵, выделенными З. Вендлером ([Vendler 1967], см. также [Mourelatos 1981; Булыгина 1982/1997; Bach 1986; Verkuyl 1989; Smith 1991/1997; Breu 1994; Filip 1999; Tatevosov 2002; Падучева 2004а; Татевосов 2005]) — состояниями (*states*), деятельностями (*activities*), достижениями (*achievements*) и совершениями (*accomplishments*). Также Б. Левин и М. Раппапорт Ховав вводят, вслед за статьёй [Talmy 1985] противопоставление «глаголов способа» (*manner verbs*), в семантике которых содержится указание на то, каким образом осуществляется действие (напр., *резать, подметать, читать, плыть*), и «глаголов результата» (*result verbs*), специфицирующих лишь наступающее в результате действия состояние (напр., *сломать, умереть, вернуться, расширить*).

Шаблоны состоят из предикатов (в том числе предикатных переменных), индивидуальных переменных, и связок. Важным предикатом является предикат АСТ, вводящий семантическую роль Агенса — участника, совершающего некоторую целенаправленную деятельность. К связкам относятся BECOME — оператор, превращающий состояние или процесс в событие — вхождение в данное состояние или процесс, и CAUSE — интенциональный оператор, обозначающий непосредственную каузальную связь между двумя событиями (подробнее о семантике этих связок см. [Dowty 1979]).

Помимо структурного шаблона, отвечающего за грамматические характеристики лексемы и её принадлежность к тем или иным семантическим классам, в значение

---

⁵ Как убедительно показано в работах [Tatevosov 2002; Татевосов 2005], акциональная классификация предикатов не универсальна, но зависит от конкретного языка, хотя и являет большую степень межъязыковой стабильности; тем не менее, для целей данной работы можно считать, что базовые акциональные противопоставления и, следовательно, лексико-семантические шаблоны, являются общими для всех языков.

глагола входит также лексическая константа (*constant*), определяющая более тонкие его нюансы. Константы могут сами принадлежать к разным семантическим типам, например, «состояние», «процесс», «способ» и т.п..

Основные лексико-семантические шаблоны таковы (строчные латинские буквы обозначают индивидуальные переменные, отвечающие за аргументы предиката; малыми прописными обозначены элементы шаблона; курсивом в угловых скобках — типизированные константы; квадратными скобками помечается иерархическая структура шаблона):

- (1) a. [x <state>] состояние (*болеть, спать, быть красным*)
 b. [x АСТ <manner>] деятельность (*бежать, читать*)
 c. [BECOME [x <state>]] достижение (*упасть, возникнуть*)
 d. [x CAUSE [BECOME [y <state>]]] (неагентивное) совершение
 (*сломаться, растянуть*⁶)
 e. [[x АСТ (<manner>)] CAUSE [BECOME [y <state>]]] (агентивное)
 совершение (*вспахать поле, прочесть книгу*)

Как видно, лексико-семантические шаблоны бывают элементарными (состояния и деятельности) и производными (достижения и совершения). Так, агентивное совершение состоит из деятельности и достижения, связанных каузальной связью.

Большое значение для теории лексической декомпозиции имеет также тот факт, что семантические роли аргументов глагола не приписываются ему «на глазок» в соответствии с общими описательными определениями (ср. [Филлмор 1968/1981; Апресян 1974/1995]), но напрямую выводятся из лексико-семантического шаблона. Так, аргумент состояния — всегда Пациенс, а аргумент операторов АСТ и CAUSE — всегда Агенс. Помимо такого довольно грубого приписывания семантических ролей, лексическую декомпозицию можно дополнить более тонкими противопоставлениями, введёнными Д. Даути (см. [Dowty 1991], [Ackerman & Moore 2001]). Даути предложил рассматривать семантические роли Агенса и Пациенса не в качестве базовых раз и навсегда определённых единиц описания, но как более сложные концепты — Прото-Агенса и Прото-Пациенса (ср. семантические «макророли» [Foley & Van Valin 1984] или «гиперроли» [Кибрик 2003]), складывающиеся из ряда свойств, способных вступать друг с другом во всевозможные сочетания и образовывать тем самым целый спектр семантических ролей.

---

⁶ С Агенсом «за кадром».

Свойства прототипического Агенса, по Д. Даути, таковы:

- a) сознательное и волевое участие в событии или состоянии;
- b) обладание чувствами и/или восприятием;
- c) каузация события или изменения состояния другого участника;
- d) перемещение относительно положения другого участника.

Характеристические свойства Прото-Пациенса, напротив, таковы:

- a) претерпевает изменение состояния;
- b) является «инкрементальной темой» (*incremental theme*)⁷;
- c) затронут воздействием другого участника;
- d) неподвижен по отношению к движению другого участника.

Самым важным следствием такого подхода к семантическим ролям является признание того факта, что аргументу предиката, в принципе, ничто не мешает характеризоваться свойствами как из агентивного, так и из пациентивного наборов. Так, аргумент глагола *встать* одновременно сознательно каузирует своё перемещение, и при этом изменяет своё состояние; аргумент глагола *заметить*, с одной стороны, обладает чувственным восприятием, а с другой претерпевает изменение состояния (начинает что-либо видеть) и подвержен воздействию участника-стимула восприятия.

Набор семантических признаков, определяющих ролевую структуру предиката, может быть выведен из его лексико-семантического представления, т.е. из лексико-семантического шаблона и семантических типов лексических констант.

Теория лексической декомпозиции, дополненная прототипической концепцией семантических ролей, предоставляет удобный аппарат для выявления семантико-грамматических классов глаголов, и, по моему мнению, пригодна для выполнения поставленной в данной статье задачи — обнаружить семантическую мотивацию двух основных макрокласов «первичных» глаголов литовского языка.

---

⁷ Понятие «инкрементальной темы» («градуального Пациенса», «накопителя эффекта» и т. п.), введённое М. Крифкой (см. [Kriška 1989, 1998; Filip 1999; Падучева 2004б]) может быть неформально охарактеризовано следующим образом: предикат *P* находится в *инкрементальном отношении* со своим аргументом *x*, если по мере того, как совершается действие, обозначаемое *P*, *x* во всё большей степени оказывается затронут этим действием. Так, по мере того, как *Иван читает книгу*, всё большая часть книги оказывается прочитанной; напротив, неверно, что чем больше *Иван гуляет по парку*, тем большая часть парка оказывается покрытой путём Ивана, поскольку последний, например, может ходить вперёд по одной и той же дорожке.

2.2. Семантическая доминанта *n/st*-глаголов

Класс *n/st*-глаголов в довольно большой степени является семантически гомогенным. Подавляющее большинство входящих в него лексем синтаксически непереходны, и могут быть неформально охарактеризованы как «семантические пассивы», т.е. глаголы, обозначающие ситуации, происходящие помимо воли Субъекта (например, потому, что их Субъект является неодушевлённым)⁸. В рамках данного класса можно выделить следующие семантические подклассы⁹:

- a) состояния: *alkti* ‘голодать’, *nīsti* ‘скучать’, *skursti* ‘нуждаться’, *pykti* ‘злиться’ и некоторые другие;
- b) неагентивные предельные процессы: *akti* ‘слепнуть’, *balti* ‘белеть, становиться белым’, *dvisti* ‘протухать’, *gubti* ‘гнутья’, *kaušti* ‘пьянеть’, *pigti* ‘дешеветь’ и многие другие;
- c) природные процессы: *brēkšti* ‘рассветать’, *niukti* ‘становиться пасмурным’, *snigti* ‘идти (о снеге)’;
- d) неконтролируемые изменения эмоциональных состояний человека: *nirsti* ‘приходить в ярость’, *niurti* ‘мрачнеть, печалиться’, *siusti* ‘бесноваться’, *stulbti* ‘поражаться’ и некоторые другие;
- e) перемещение: неконтролируемое: *plūsti* ‘литься’, *slysti* ‘скользить’; неопределённое по контролируемости: *kilti* ‘вставать, подниматься’; контролируемое: *bristi* ‘брести’, *skristi* ‘лететь’, *vykti* ‘направляться’;
- f) глаголы, не входящие в указанные классы: *dygti* ‘произрастать’, *plušti* ‘трудиться’, *tapti* ‘становиться’ и некоторые другие.

Наконец, среди *n/st*-глаголов встречаются единичные переходные глаголы: *rasti* ‘найти’, *justi* ‘почувствовать’, *mēgti* ‘любить (нравиться)’.

Как мне представляется, основными семантическими характеристиками, свойственными большинству *n/st*-глаголов, являются следующие:

- пациентивность Субъекта;

---

⁸ Семантическое единство *n/st*-глаголов отмечает Х. Станг [Stang 1966: 339], говоря о том, что они в своей массе непереходны и ингрессивны/инхоативны. Мои данные полностью подтверждают это.

⁹ Полные списки глаголов разных морфологических классов см. в работе [Аркадьев, в печати].

- предельность, т.е. наличие в событийной структуре компонента связи ВЕСОМЕ¹⁰.

Из указанных характеристик более важной и определяющей является вторая, связанная со структурой события. Действительно, как уже было сказано выше, семантическая роль участника ситуации может быть выведена из места, которое он занимает в лексико-семантической структуре. Лексико-семантическая структура, общая для значительной части *n/st*-глаголов, такова:

(2) [ВЕСОМЕ [*x* <*state*>]]

Лексико-семантическая структура в (2) описывает глаголы, входящие в группы (b) и (d), а также часть глаголов из групп (c) (*brékšti* ‘рассветать’, *niukti* ‘становиться пасмурным’), (e) и (f) (*plūsti* ‘литься’, *slysti* ‘скользить’, *tapti* ‘становиться’).

Сложнее обстоит дело с другими предельными глаголами, в частности, допускающим агентивное прочтение *kilti* ‘подниматься, вставать’ и в особенности с переходными *justi* ‘почувствовать’ и *rasti* ‘найти’. Тем не менее, эти глаголы также подпадают под общую структурную схему (2), при её соответствующей модификации. Глагол *kilti* в сочетании с одушевлённым и контролирующим свои действия Субъектом имеет лексико-семантическую структуру следующего вида:

(3) *kilti*: [*x* CAUSE [ВЕСОМЕ [*x* <*стоять*>]]]

Таким образом, данный глагол также обозначает изменение состояния Субъекта, но вызванное его собственными сознательными действиями, а не какими-либо неподвластными его воле внешними причинами, как в случае с большинством *n/st*-глаголов. Субъект этого глагола обладает свойствами как Агенса (волитивность, каузация, чувственное восприятие, перемещение), так и Пациенса (изменение состояния).

Что же касается глаголов *justi* ‘почувствовать’ и *rasti* ‘найти’, то их лексико-семантические структуры выглядят следующим образом:

---

¹⁰ Естественно, не следует удивляться тому, что *обоими* указанными свойствами обладают не все *n/st*-глаголы (а отдельные лексемы, например, *plūsti* ‘трудиться’, вообще не удовлетворяют указанному прототипу). Так, глаголы, обозначающие состояния, не являются предельными (о чём можно судить по отсутствию у них регулярных префиксальных производных), а глаголы контролируемого перемещения — пациентивными.

- (4) a. *justi*: [у CAUSE [BECOME [x <чувствовать у>]]]
 b. *rasti*: [BECOME [x <иметь у>]]

В случае с глаголом *rasti* лексико-семантическая структура модифицируется минимально — входящая в неё константа-состояние имеет, в отличие от большинства других глаголов этого класса, не один аргумент, а два. То же самое происходит и с глаголом *justi*, с той лишь разницей, что лексико-семантическая структура надстраивается до каузативной, поскольку Стимул восприятия или ощущения разумно трактовать как каузирующий это восприятие или ощущение (см. об этом [Talmy 1988/2001; Croft 1991, 1993]; ср. также обсуждение в Падучева 2004а: 278 — 284)¹¹.

Исходя из всего вышесказанного, семантическую доминанту *n/st*-класса можно сформулировать следующим образом:

- (5) [BECOME [x <state>]], где *x* — синтаксический Субъект

Апелляция к аргументной структуре является здесь необходимой потому, что именно она позволяет предсказать, что одни переходные глаголы (прототипические, обозначающие активное воздействие Агенса на Пациенса) попадают в *j*-класс, в то время как другие (отклоняющиеся от прототипа переходности, подобно *justi* и *rasti*) входят в *n/st*-класс.

2.3. Семантическая доминанта *j*-глаголов

«Первичные» глаголы с палатализацией конечного согласного корня в формах *Praes* и *Praet* (*j*-глаголы) распадаются на два больших класса по синтаксическому признаку переходности:

- переходные глаголы, причём в своей массе относящиеся к «каноническому» типу (см. [Hopper & Thompson 1980; Tsunoda 1981, 1985; Testelec 1998; Тестелец 2003]), т.е. обозначающие сознательное воздействие одушевлённого Агенса на претерпевающего (необратимое) изменение состояния Пациенса: *skersti* ‘резать’, *daužti* ‘бить’, *trypti* ‘топтать’, *drēbti* ‘бросать’; многие переходные *j*-глаголы соотносятся с однокоренными непереходными *n/st*-глаголами, см. п. 2.4.;

---

¹¹ Важно отметить, что в последнем случае, тем не менее, не происходит перераспределения между участниками ситуации синтаксических функций (в принципе, Стимул мог бы стать Субъектом, а Экспириенцер — Объектом). Причина этого, видимо, заключается в одушевлённости и большей прагматической значимости Экспириенцера для данной лексемы. В любом случае, ни один из аргументов глагола *justi* не является прототипическим Агеном или Пациентом, поэтому соответствие между его лексико-семантической и аргументной структурами можно считать лексически фиксированным.

- непереходные глаголы, в свою очередь относящиеся к нескольким семантическим классам (см. ниже).

С формальной точки зрения переходные *j*-глаголы в своём большинстве имеют лексико-семантическую структуру одного из следующих двух видов:

- (6) a. [x CAUSE [BECOME [y <state>]]]
 b. *žeisti* ‘ранить’: [x CAUSE [BECOME [y <*ранен*>]]]
 (7) a. [x АСТ<*manner*> [BECOME [y <state>]]]
 b. *skersti* ‘резать’: [x АСТ<*резать*> [BECOME [y <*быть_разрезанным*>]]]

По моим грубым оценкам, *j*-глаголов второго типа, т.е. тех, что обозначают не только каузацию изменения состояния Пациенса, но и целенаправленную деятельность Агенса, существенно больше, однако никаких точных статистических заключений я делать не могу.

Обратимся теперь к непереходным *j*-глаголам. Можно выделить следующие основные их подклассы:

- (1) «экспрессивные» глаголы;
- (2) глаголы перемещения;
- (3) глаголы обозначающие природные явления.

Рассмотрим их по порядку.

«Экспрессивные» глаголы представляют собой очень многочисленный класс, гомогенный как с семантической, так и с формальной точек зрения. Это глаголы в основном звукоподражательные и обозначают процессы, сопровождающиеся звуком. Можно выделить несколько подтипов экспрессивных *j*-глаголов:

- (a) глаголы, обозначающие издавание звука: *baubti* ‘реветь’, *burgzti* ‘жужжать’, *čirkšti* ‘щебетать’, *inkšti* ‘скулить’, *klykti* ‘кричать’, *mūkti* ‘мычать’, *rupiti* ‘пищать’, *šnarpšti* ‘сопеть’, *žliumbti* ‘хныкать’ и многие другие;
- (b) глаголы, обозначающие перемещение: *čiaužti* ‘скользить’, *plumpti* ‘тащиться’, *šliaužti* ‘ползти’ и некоторые другие;
- (c) прочие «экспрессивные» глаголы: *plieksti* ‘ярко светить’, *brūzti* ‘трудиться’, *bergžti* ‘зреть’ и некоторые другие.

«Экспрессивные» *j*-глаголы обладают следующими общими характеристиками:

- (a) общность формальной структуры (тяжёлая основа, содержащая долгий гласный либо дифтонг, циркумфлексное ударение);
- (b) совмещение у многих лексем значений звука и перемещения: *čiurkšti* ‘бить ключом, хлестать’, *žliaugti* ‘литься струёй’;

(с) общность «экспрессивной» семантики: эти глаголы обозначают восприятие говорящим важной характеристики объекта или ситуации, его психологическую реакцию на них, а также эмоциональную или эстетическую оценку¹²;

(d) звуковой символизм, в частности, обилие сложных комплексов согласных, шипящих и аффрикат.

Из неэкспрессивных *j*-глаголов следует отметить небольшой подкласс глаголов движения: *dengti* ‘быстро бежать’, *kopti* ‘лезть (наверх)’, *kuisti* ‘мчаться’, *lèkti* ‘лететь’, *plaukti* ‘плыть’, *žengti* ‘шагать’ и некоторые другие. Все они являются глаголами способа движения, а не направленного движения (направление движения может быть выражено при помощи префиксов), и этим отличаются, например, от таких *n/st*-глаголов движения или изменения положения в пространстве, как *kilti* ‘подняться’ или *vykti* ‘направляться’, предполагающих наличие некоторой определённой конечной точки или результирующего состояния.

Ещё один небольшой подкласс непереходных *j*-глаголов — глаголы, обозначающие природные явления: *drengti* ‘(о дожде со снегом)’, *druokti* ‘моросить’, *dumti* ‘дуть (о ветре)’, *dvelkti* ‘веять’. Эти лексемы обозначают процессы, имеющие чувственно воспринимаемый эффект и не предполагающие какого-либо результирующего состояния, в отличие, например, от *n/st*-глаголов типа *brèkšti* ‘рассветать’.

Наконец, в класс *j*-глаголов входят также следующие лексемы, не попавшие в более крупные типы: *burti* ‘гадать, колдовать’, *losti* ‘играть’, *žaišti* ‘играть’, *bergžti* ‘зреть’, *delsti* ‘медлить’, *dvokti* ‘вонять’, *snausti* ‘дремать’, *želti* ‘расти’, *rèkti* ‘кричать’, *šaukti* ‘кричать’, *verkti* ‘плакать’ и некоторые другие. В своей массе эти глаголы обозначают процессы, которые можно охарактеризовать как *внутренне-каузированные*¹³.

¹² Формулировка заимствована из [Holisky 1981: 105 — 107].

¹³ Противопоставление внутренне-каузированных и внешне-каузированных ситуаций (*internally-caused vs. externally-caused eventualities*) было введено и подробно аргументировано в книге [Levin & Rappaport Novav 1995: Ch. 3 — 4] и заключается в том, концептуализуется ли ситуация как такая, осуществление которой зависит лишь от свойств её Субъекта (например, от его воли, если Субъект — человек или живое существо, но также и от каких-либо физических или иных свойств Субъекта; например, можно считать, что *звёзды сверкают* или *трава растёт* по причине, условно говоря, внутренней предрасположенности данных Субъектов к данным процессам, но не потому, что на них воздействует какая-то внешняя сила), либо, напротив, как такая, которая вызывается в Субъекте внешним воздействием (например, *тарелка может разбиться* лишь в том случае, если кто-то или что-то подействует на неё, но не по причине своих внутренних свойств).

Внутренняя каузация вообще, по-видимому, является важнейшей общей характеристикой *j*-глаголов; следует, однако, отметить, что и среди *n/st*-глаголов немало таких, которые можно считать внутренне-каузированными, например, *blankti* ‘бледнеть’, *karšti* ‘дряхлеть’ и др., хотя основная их масса обозначает внешне-каузированные ситуации.

Семантическая доминанта непереходных *j*-глаголов может быть охарактеризована следующим образом: они обозначают агентивные неопредельные процессы, как правило, сопровождающиеся чувственно воспринимаемым эффектом. Лексико-семантическая структура непереходных *j*-глаголов выглядит, тем самым, так:

(8) [x АСТ<*manner*>]

Действительно, многие А-глаголы обозначают действия, которые может совершать только одушевлённый субъект (человек или животное) либо стихия, концептуализирующаяся, видимо, как обладающая собственной волей. Показательно, что среди *j*-глаголов звука практически нет таких, которые бы обозначали издавание звука под воздействием внешней силы (‘шелестеть’ о листьях и т. п.). Неагентивные *j*-глаголы, такие, как *dvokti* ‘вонять’, обозначают процесс или состояние, во-первых, внутренне-каузированное, и, во-вторых, сопровождающееся чувственно воспринимаемым эффектом (т. е., вместе с глаголами звуко- и светопроизводства входят в более общий класс так называемых *verbs of emission*). Число пациентивных *j*-глаголов очень невелико (ср. *dvěsti* ‘околевать’).

Интересно, что многие непереходные *j*-глаголы имеют переходные значения, ср. *kliaukti* ‘литься; лить; хлебать’, *bergžti* ‘зреть; тратить, расходовать’. Глаголы звука, по-видимому, вообще способны регулярным образом присоединять дополнение, обозначающее звук, ср. *blerbti niekus* ‘болтать чепуху’. Это показывает, что, на самом деле, между переходными и непереходными *j*-глаголами нет столь отчётливой границы.

Неопредельность непереходных *j*-глаголов подтверждается тем, что они редко образуют префиксальные производные (за исключением глаголов движения), а в тех случаях, когда такие производные возможны, они имеют не перфектную интерпретацию, как у *n/st*-глаголов (ср. *věsti* ‘стынуть’ ~ *nuvěsti* ‘стыть’), а лишь ингрессивную (*baubti* ‘мычать’ ~ *užbaubti* ‘замычать’) или пунктивную (*subaubti* ‘промычать однократно’).

Учитывая всё вышесказанное, можно предложить следующую лексико-семантическую структуру, характеризующую класс *j*-глаголов в целом:

(9) [x АСТ(<*manner*>)], где *x* — синтаксический Субъект

Приведённый компонент структуры события является общим как для основной массы переходных, так и для непереходных глаголов этого класса.

2.4. Регулярные соотношения между глаголами *n/st* и *j*-классов.

Как уже было указано выше, целый ряд «первичных» глаголов образуют пары однокоренных глаголов, члены которых регулярным образом различаются по следующим трём параметрам:

- переходность;
- морфологический класс;
- степень огласовки корня.

Весьма представительный, хотя и, по-видимому, неполный список таких пар приводится в книге [Valeckienė 1998: 27 — 28]:

(a) *birti* ‘сыпаться’ — *berti* ‘сыпать’;

kilti ‘подниматься, вставать’ — *kelti* ‘поднимать’;

mirkti ‘мокнуть’ — *merkti* ‘мочить’;

skilti ‘расколотся’ — *skelti* ‘колоть’;

virsti ‘опрокидываться, переворачиваться’ — *versti* ‘валить, опрокидывать’;

žirti ‘сыпаться’ — *žerti* ‘сыпать’;

tikšti ‘брызгать’ — *tekšti* ‘брызгать, бросать’;

tįsti ‘растягиваться’ — *tęsti* ‘тянуть’;

linkti ‘гнутья’ — *lenkti* ‘гнуть’;

(b) *driksti* ‘рваться’ — *drėksti* ‘рвать’;

dribti ‘падать’ — *drėbti* ‘бросать’;

kristi ‘падать’ — *krėsti* ‘трясти, вытряхивать’;

plisti ‘распространяться’ — *plėsti* ‘расширять, развёртывать’;

(c) *kisti* ‘меняться’ — *keisti* ‘менять, изменять’;

visti ‘плодиться, разводиться’ — *veisti* ‘плодить, разводить’;

(d) *dygti* ‘произрастать’ — *diegti* ‘сажать (растения)’;

drykti ‘растягиваться’ — *driekti* ‘тянуть, растягивать’;

skysti ‘размякать, становиться вялым’ — *skiesti* ‘разбавлять’;

(e) *lūzti* ‘ломаться’ — *lauzti* ‘ломать’;

rūgti ‘киснуть’ — *raugti* ‘квасить’.

Непереходные глаголы из приведённых пар относятся к *n/st*-классу и, как правило, имеют краткую ступень огласовки корня (типы а — с) или простой долгий гласный (типы d — e), а переходные глаголы относятся к *j*-классу и имеют полную (типы а, с — е, где представлены дифтонги) или продлённую ступень огласовки корня (тип (b), где в основе настоящего времени выступает простая полная ступень, ср. *drėbti* ‘бросать’ — *drebia*). Эти пары представляют собой древнейший способ противопоставления глагольных лексем по признаку переходности/непереходности, в настоящее время, естественно, непродуктивный.

Такого рода пары переходных и непереходных глаголов представляют интерес с семантической точки зрения. Как было показано в ряде работ ([Недялков & Сильницкий 1969; Haspelmath 1993; Levin & Rappaport Hovav 1995; Shibatani & Pardeshi 2002; ср также Nichols et al. 2004]), в тех случаях, когда соотношение между непереходным и каузативным глаголами является в наибольшей степени морфологизованным (например, как в нашем случае, выражается аблаутным преобразованием и парадигматической конверсией), непереходный член пары обозначает внешне-каузированную ситуацию с участником-Пациентом, а переходный член пары — активное действие, непосредственным эффектом которого является изменение состояния Пациенса. Из приведённого списка пар переходных и непереходных первичных глаголов легко видеть, что значительное большинство этих пар удовлетворяет сформулированному только что прототипу. Этот факт можно рассматривать как дополнительное подтверждение семантической мотивированности морфологических классов первичных глаголов литовского языка.

2.5. Соотношение семантических и морфологических классов литовских первичных глаголов

Итак, в предшествующих разделах были выявлены семантические доминанты литовских первичных глаголов, входящих в наиболее многочисленные словоизменяемые макроклассы — *n/st*-глаголов и *j*-глаголов. Эти семантические доминанты можно сформулировать в виде правил, соотносящих лексико-семантическую и аргументную структуру первичного глагола с его морфологическим классом, см. таблицу 2.

Таблица 2. Соотнесение лексико-семантической и аргументной структуры с морфологическим классом

Лексико-семантическая структура	Аргументная структура	Морфологический класс
[<i>x</i> АСТ(< <i>manner</i> >)]	< <i>x</i> : Sb>	<i>j</i> -глаголы
[BECOME [<i>x</i> < <i>state</i> >]]	< <i>x</i> : Sb>	<i>n/st</i> -глаголы

Таблица 2 показывает, что основанием для отнесения глагола к одному из двух классов является компонент его лексико-семантической структуры, вводящий аргумент, реализующийся как «семантический субъект» (в понимании этого термина, принятого, например, в работах Е.В. Падучевой [Падучева 1985: 183]; ср. термин «внешний аргумент», принятый в порождающей грамматике [Grimshaw 1990; Levin & Rappaport Hovav 1995]). Наличие у глагола других аргументов, тем самым, фактически, является нерелевантным для морфологической классификации. Действительно, как уже было показано, в обоих макроклассах имеются как непереходные, так и переходные глаголы, однако последние существенно различаются по своим свойствам: если в *j*-класс входят преимущественно «канонические» переходные глаголы, то немногие переходные *n/st*-глаголы отклоняются от прототипа переходности и обозначают изменение состояния в первую очередь Субъекта, а не Объекта.

Выявленные выше корреляции между семантико-синтаксическими и морфологическими свойствами литовских первичных глаголов являются в высокой степени статистически существенными, что наглядно демонстрируют данные таблицы 3, где приводится статистика по имеющейся у меня выборке глаголов.

Таблица 3. Статистика о соотношении семантических и морфологических классов литовских первичных глаголов

	<i>j</i> -глаголы	<i>n/st</i> -глаголы	Прочие	Всего
Переходные	247	8	51	306
Непереходные агентивные	121	7	7	135
Непереходные пациентивные	7	237	4	248
Итого:	375	252	62	689
Статистическая существенность для непереходных глаголов и двух рассматриваемых классов: $\chi = 17.7$, $p < .0001$				

Как видно, для непереходных глаголов правило, указанное в таблице 2, практически не имеет исключений.

Остановлюсь коротко на глаголах, не входящих в рассматриваемые здесь основные макроклассы. Таких глаголов весьма немного в сравнении с *j*- и *n/st*-глаголами (менее 10 % от общего числа первичных глаголов с основой на согласный) и никакой из этих малых морфологических типов не может быть единообразно охарактеризован с семантической точки зрения. Таблица 3 показывает, что подавляющее большинство

глаголов, не входящих в основные макроклассы, являются переходными, причём сюда относятся как прототипические переходные глаголы, например, *sukti* ‘крутить’ (*suka, suko*), *kirpti* ‘стричь’ (*kerpa, kirpo*), *mesti* ‘бросать’ (*meta, metè*), так и «неканонические» глаголы, не предполагающие активного воздействия Субъекта на Объект: *minti* ‘помнить’ (*mena, mynè*), *sekti* ‘следить’ (*seka, sekè*).

Несмотря на то, что ни у одного из макроклассов I (глаголы без палатализации и инфикса/суффикса *-st-*) и III (глаголы с палатализацией только в основе Praet) нет ярко выраженной семантической доминанты, тот факт, что некоторые глаголы входят именно в эти классы, а не в основные, можно попытаться мотивировать семантически. Так, в рамках макрокласса I выделяется небольшое число лексем, обозначающих направленное изменение положения одушевлённого Субъекта в пространстве: *sèsti* ‘сесть’ (*seða, sèdo*), *lipti* ‘лезть вверх’ (*lipa, lipo*), *lišti* ‘лезть внутрь’ (*lenda, lindo*). Для приписывания этим глаголам единой лексико-семантической структуры, по-видимому, нет оснований, однако можно предположить, что совмещение в них таких компонентов значения, как ‘изменение положения в пространстве’ с ярко выраженной агентивностью препятствует их вхождению в какой-либо из основных макроклассов.

Ещё один небольшой класс глаголов составляют Р-лабильные глаголы (т.е. допускающие как переходное, так и антикаузативное значения): *degti* ‘гореть; жечь’ (*dega, degè*), *kepti* ‘жариться; печь’ (*kepa, kepè*) и *virti* ‘кипеть; варить’ (*verða, virè*), — входящие в класс III, что можно считать своего рода «иконическим» отражением их двойственного семантико-синтаксического поведения: они палатализуют конечный согласный основы Praet, как *j*-глаголы, и не палатализуют основу Praes, как *n/st*-глаголы (правда, в отличие от последних, лабильные глаголы не имеют инфикса).

Несмотря на всё вышесказанное, приходится признать, что литовские первичные глаголы, не входящие в *j*- и *n/st*-классы, не могут быть сколько-нибудь надёжно охарактеризованы семантически, особенно в свете несомненной и подкрепляемой статистикой семантической мотивации основных макроклассов.

В заключение следует отметить также тот небезынтересный и важный факт, что, несмотря на то, что даже самые многочисленные макроклассы литовских первичных глаголов вряд ли можно назвать продуктивными на синхронном уровне, несомненно, что на определённом — и, видимо, не столь давнем — этапе истории языка они обладали определённой продуктивностью. Эта гипотеза подтверждается, во-первых, высокой степенью последовательности, с какой глаголы с экспрессивной семантикой и звукоподражательными основами попадали в *j*-класс, а, во-вторых, тем, что среди

n/st-глаголов есть лексемы, по своим морфонологическим свойствам явно принадлежащие к более позднему слою лексики. Таковы, например, глаголы *tolti* ‘отдаляться’ (< *tolus* ‘далёкий’), *sentī* ‘стареть’ (< *senas* ‘старый’) и некоторые другие. Глаголы типа *tolti* представляют собой аномалию, поскольку содержат сверхдолгую слоговую вершину (например, /ol/), в общем случае запрещённую (ср. *korė* ‘повесил’ vs. *karti* ‘вешать’, где в соответствующей позиции долгий гласный сокращается). Глаголы же типа *sentī* уникальны тем, что, вопреки практически не знающему в литовском спряжении исключений морфонологическому правилу, в основе Презенса сохраняют /n/ перед суффиксом *-st-*: *sensta*, а не ожидаемое **sęsta*, ср. явно более древнюю и идиоматизированную лексему *pažinti* ‘узнать’, образующую Презенс морфонологически регулярно: *pažįsta*. Эти факты свидетельствуют о том, что *n/st*-класс ещё был продуктивен в ту эпоху, когда указанные морфонологические явления уже утратили свою историческую фонетическую мотивацию.

3. Типологическая перспектива: «расщеплённая непереходность» в языках мира

3.0. Общие замечания

Выделенные в предыдущих разделах семантические параметры, релевантные для морфологической классификации литовских первичных глаголов, — предельность/непредельность ситуации, точнее, наличие в лексико-семантической структуре глагола компонента ‘вхождение в состояние’ (связки ВЕСОМЕ), и агентивность и противопоставление внешней и внутренней каузации ситуации, — не являются специфичными для литовского языка. Многочисленные исследования, как в рамках различных формальных теорий (см. [Perlmutter 1978; Rosen 1984; Levin & Rappaport Hovav 1990, 1995, 1998, 2000; Dowty 1991; Tsujimura 1991; Zaenen 1993; Lieber & Baayen 1997; Alexiadou et al. (eds.) 2004 и др.], так и в русле функционально-типологического подхода (см. [Lazard 1985; Merlan 1985; Van Valin 1990; Verhaar 1990; Mithun 1991; Primus 1999; Sorace 2000]¹⁴) убедительно демонстрируют, что данные параметры имеют универсальную значимость для морфосинтаксической классификации глаголов в языках мира.

---

¹⁴ Ср. также материалы международной конференции по типологии языков активного строя, проведённой Институтом эволюционной антропологии им. Макса Планка в Лейпциге, Германия, в мае 2005 г., http://www.email.eva.mpg.de/~wichmann/final_programme2.html).

Например, как показано в работе [Zaenen 1993], в нидерландском языке агентивность является решающим фактором при образовании безличных пассивных конструкций, а предельность определяет выбор вспомогательного глагола в перфектных временах (уточнение этой формулировки см. в работе [Lieber & Baayen 1997]; данные немецкого и романских языков анализируются в этой связи в статье [Sorace 2000], где показано, что факторы агентивности и предельности сложным образом взаимодействуют при выборе вспомогательного глагола).

В статье [Mithun 1991] демонстрируется, что указанные параметры во многом определяют выбор форм независимых местоимений или показателей личного согласования в языках коренного населения Северной Америки: агентивный аргумент переходных предикатов в общем случае маркируется так же, как аналогичный аргумент переходного предиката, и то же самое касается пациентивного аргумента; в некоторых языках на это накладывается также признак «Субъект претерпевает изменение состояния».

Для того, чтобы нагляднее продемонстрировать, что литовский язык не является «одиноким» с точки зрения рассматриваемого в данной статье явления, обратимся к данным грузинского языка, где лексико-семантическая структура явным образом связана с морфосинтаксическими классами глаголов; более того, как будет показано, сам лексический состав этих классов в грузинском и литовском языках обнаруживает нетривиальные черты сходства.

3.1. Морфосинтаксические классы глаголов в грузинском языке

Морфосинтаксис и семантика глагольных классов в грузинском языке довольно хорошо исследованы (важнейшими публикациями являются [Holisky 1979, 1981; Harris 1981, 1982, 1985]; ср. также [Чанишвили 1981; Merlan 1985; Тестелец 1986; Hewitt 1987; Van Valin 1990]), и в последующем изложении я основываюсь на указанных публикациях, главным образом, на монографии [Holisky 1981].

В грузинском языке можно выделить три основных продуктивных глагольных класса, которые, следуя традиции, я буду обозначать цифрами. Различия между классами проявляются как на уровне морфологии (разные наборы словоизменительных показателей, в первую очередь личного согласования), так и на уровне синтаксиса, а именно, падежного оформления основных аргументов глаголов в формах так называемой «второй серии времён» — аориста (прошедшего перфективного) и оптатива (ирре-

ального склонения), см. [Vogt 1971]. Схематически различия между классами отражены в таблице 4.

Таблица 4. Морфосинтаксические классы глаголов в грузинском языке

Класс	Оформление актантов	Показатели 3SgSbPraes, 3PlSbPres, 3PlSbAor
I	<Sb: Erg; DO: Nom>	-s — -en — -es
II	<Sb: Nom>	-a — -an — -nen
III	<Sb: Erg>	-s — -en — -es

Рассмотрим примеры¹⁵. Глаголы I класса переходны, и во «второй серии времён» оформляют Субъект эргативным падежом, а Объект — номинативом:

(10) *glex-ma da-tes-a simind-i.*
 крестьянин-ERG PRV-сеять-AOR.3SG.SB зерно-NOM
 'Крестьянин посеял зерно'.

(11) *bavšv-eb-ma gada-q'ar-es kv-eb-i.*
 ребёнок-PL-ERG PRV-бросить-AOR.3PL.SB камень-PL-NOM
 'Дети бросили камни'.

Глаголы II и III классов непереходны. У глаголов II класса Субъект оформляется номинативом (примеры (12), (13)), а у глаголов III класса — эргативом (примеры (14), (15)):

(12) *c'q'al-i ga-tb-a.*
 вода-NOM PRV-тёплый-AOR.3SG.SB
 'Вода нагрелась'.

(13) *bavšv-eb-i da-sxd-nen.*
 ребёнок-PL-NOM PRV-сесть-AOR.3PL.SB
 'Дети сели'.

(14) *c'q'al-ma i-duḡa.*
 вода-ERG PRF-кипеть-AOR.3SG.SB
 'Вода кипела'.

(15) *gogo-eb-ma i-tamaš-es.*
 девушка-PL-ERG PRF-играть-AOR.3PL.SB
 'Девушки поиграли'.

Обратимся теперь к семантике грузинских глагольных классов. Глаголы I класса в своей массе — «канонические» переходные предикаты, обозначающие активное воздействие Агенса на Пациенса и имеющие лексико-семантическую структуру, аналогичную таковой литовских переходных *j*-глаголов:

¹⁵ Я благодарю Н. Амиридзе за любезную помощь.

- (16) a. [x АСТ<*manner*> [BECOME [y <*state*>]]]
 b. *datesavs* ‘посеет’¹⁶: [x АСТ<*сеять*> [BECOME [y <*посеян*>]]]

Более интересно распределение непереходных глаголов по классам II и III.

Ко II классу относятся следующие типы глаголов:

(а) «пассивные» и антикаузативные корреляты переходных глаголов I класса, во многом аналогичные русским производным на *-ся*: *dac'ers* ‘напишет’ — *daic'ereba* ‘будет написано’; *damalavs* ‘спрячет’ — *daimaleba* ‘спрячется’; *gaam-ravalebs* ‘увеличит’ — *gamravaldeba* ‘увеличится’ и т.д.;

(б) ингрессивные производные от глаголов III класса: *laklakebs* ‘болтает’ — *alაკლაკdeba* ‘начинает болтать’; *itamašobs* ‘будет играть’ — *atamašdeba* ‘начинает играть’; *goravs* ‘катится’ — *migordeba* ‘покатится’ и т.д.;

(в) (неагентивные) предельные глаголы: *mok'vdeba* ‘умрёт’, *darčeba* ‘останется’, *dadgeba* ‘встанет’, *datbeba* ‘согреется’ и другие.

Подавляющее большинство глаголов II класса обозначают предельные ситуации с участником, претерпевающим изменение состояния, как правило, неконтролируемое. Лексико-семантическая структура, общая для этих глаголов, такова:

- (17) a. [BECOME [x <*state*>]]
 b. *mok'vdeba* ‘умрёт’: [BECOME [x <*мёртвый*>]]

Очевидно, что для ингрессивных глаголов II класса, в массе своей агентивных, требуется другая, но сходная лексико-семантическая структура:

- (18) a. [BECOME [x АСТ<*manner*>]]
 b. *alak'lak'deba* ‘начнёт болтать’: [BECOME [x АСТ<*болтать*>]]

Тем самым, семантической доминантой глаголов II класса является компонент ‘изменение состояния’, т.е. наличие в лексико-семантической структуре связки BECOME.

Перейдём к III классу, который распадается на следующие основные подклассы (я здесь рассматриваю лишь непроизводные глаголы этого класса; производные лексемы, например, отыменные дериваты со значением ‘вести себя как X’, например, *art'ist'obs* ‘вести себя как артист’, полностью подходят под приводимый ниже семантический прототип):

- (1) «экспрессивные» глаголы;

---

¹⁶ Грузинские глаголы даются в форме третьего лица единственного числа субъекта (и объекта — для двухвалентных глаголов) будущего времени (глаголы I и II класса) или настоящего времени (глаголы III класса).

- (2) глаголы перемещения;
- (3) глаголы обозначающие природные явления.

Таким образом, уже на уровне наиболее общих характеристик глаголов грузинского III класса видно их сходство с литовскими непереходными *j*-глаголами.

«Экспрессивные» глаголы III класса в свою очередь распадаются на следующие подклассы:

- (а) глаголы, обозначающие издавание звука: *bzuk'unebs* 'жужжать', *bubunebs* 'реветь', *zrialebs* 'трещать', *laklakebs* 'болтать', *sisinebs* 'шипеть', *grgvnavs* 'грохотать', *zmuis* 'мычать', *c'k'muis* 'хныкать', *rak'unobs* 'стучать', *xorxocebs* 'хохотать' и др.
- (б) глаголы, обозначающие свечение: *bdyvrialebs* 'сверкать', *brč'q'vialebs* 'мерцать', *varvarebs* 'пылать', *k'ašk'ašebs* 'светиться', *rialebs* 'мерцать', *bzinavs* 'искриться' и др.
- (в) глаголы, обозначающее движение на месте: *babanebs* 'дрожать', *bibinebs* 'волноваться (о траве)', *taxtaxebs* 'трястись', *t'ivt'ivebs* 'плавать (в стоячей воде)', *panckalebs* 'учащённо биться (о сердце)', *prtxialebs* 'трепыхаться', *bor-gavs* 'ворочаться', *ckmut'avš* 'суетиться', *trtis* 'дрожать' и др.
- (г) глаголы способа перемещения: *bobɣavs* 'ползти', *barbacebs* 'идти, шатаюсь', *laslasebs* 'тащиться', *parpatebs* 'порхать', *q'ialebs* 'шататься' и др.
- (е) глаголы, не попавшие в классы (а) — (д): *tkrialebs* 'хлестать (о крови из раны)', *partipurtebs* 'суетиться, возиться', *šxeps* 'брызгать', *c'vetavš* 'капать' и др.

Как видно, лексический состав грузинских «экспрессивных» глаголов обнаруживает как существенные сходства, так и интересные отличия от «экспрессивных» глаголов литовского языка. В обоих языках значительную часть экспрессивных глаголов составляют лексемы, обозначающие процессы, имеющие чувственно воспринимаемый эффект — глаголы звучания, свечения, «дрожания» и проч.. Однако в литовском языке большая часть этих глаголов агентивна и может сочетаться лишь с Субъектом-живым существом; в грузинском же языке этого ограничения нет, и очень многие глаголы III класса обозначают звуки, издаваемые водой, листьями, камнями и др..

«Неэкспрессивные» глаголы III класса также семантически неоднородны. Сюда относятся:

- (а) глаголы перемещения, обозначающие движение определённым способом: *goravs* 'катиться', *srialebs* 'ползти (о змее)', *xt'is* 'прыгать', *curavs* 'плыть, плавать, скользить' и некоторые другие;

(b) глаголы, обозначающие «динамические» природные явления: *grgvinavs* '(о грозе)', *elavs* '(о молнии)', *tovs* 'идёт снег', *kris* 'дует ветер', *c'vims* 'идёт дождь' и некоторые другие;

(c) небольшое количество глаголов, не входящих ни в какие группы: *asp'arezobs* 'соревноваться', *brazobs* 'гневаться', *duʒs* 'кипеть', *tamašobs* 'играть', *mušaobs* 'работать', *pikrobs* 'думать', *čkarobs* 'спешить', *cek'vavs* 'танцевать' и некоторые другие.

Таким образом, в качестве семантической доминанты грузинских глаголов II класса можно выделить неопределённый процесс, как правило агентивный (Субъект — живое существо или стихия), а в случае неагентивности имеющий чувственно воспринимаемый эффект. В терминах лексико-семантической структуры указанное свойство формулируется, фактически, так же, как и семантический прототип литовских *j*-глаголов:

(19) а. [x АСТ<*manner*>]

б. *kris* 'дуть (о ветре)': [x АСТ<*дуть*>]

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что, при всех несомненных различиях, сходства между грузинскими и литовскими глагольными классами очевидно и весьма велико, причём на уровне как самых общих семантических характеристик, так и лексического наполнения (например, в обоих языках сильно развиты «экспрессивные» глаголы). Данные сходства являются глубоко нетривиальными и не случайными, при том, что, очевидным образом, они не могут проистекать ни из генетического родства (какое между картвельскими и балтийскими языками если и есть, то слишком дальше, чтобы проявиться в рассматриваемых здесь явлениях), ни из заимствования, невозможного в виду географической разобщённости двух языков. Тем самым, обнаруженные между этими языками сходства отражают универсальные тенденции в организации лексики, присущие человеческому языку в целом и в разных языках проявляющиеся на разных уровнях.

4. Заключение

В данной статье, как я надеюсь, мне удалось продемонстрировать, что, во-первых, по крайней мере один важный фрагмент системы морфологических классов литовских первичных глаголов имеет сильную семантическую мотивацию, и, во-вторых, что семантические признаки, коррелирующие в литовском языке с морфологическим классом глагола, типологически релевантны и относятся к тому, что принято, с некото-

рой долей условности, называть «универсальной грамматикой». Кратко повторю основные выводы работы.

Два наиболее многочисленных морфологических класса литовских первичных глаголов — *j*-глаголы (с палатализацией конечного согласного корня в основах настоящего и прошедшего однократного времён) и *n/st*-глаголы (с назальным инфиксом или суффиксом *-st-* в основе настоящего времени) имеют отчётливые семантические доминанты.

Ядро *n/st*-глаголов — предикаты, обозначающие предельные процессы с Субъектом-Пациентом, претерпевающим неконтролируемое изменение состояния. С более формальной точки зрения, *n/st*-глаголы могут быть охарактеризованы наличием в их лексико-семантической структуре связки ВЕСОМЕ, вводящей семантический компонент 'изменение состояния', предизируемый относительно субъектного аргумента; под этот прототип попадает значительное большинство *n/st*-глаголов, в том числе немногочисленные двухвалентные лексемы.

Менее однородный на первый взгляд класс *j*-глаголов включает как переходные глаголы, в основной своей массе удовлетворяющие прототипу переходности (активное воздействие контролирующего Агенса на существенно затронутого ситуацией и претерпевающего неконтролируемое им самим изменение состояния Пациенса), так и непереходные глаголы, главной характеристикой которых является неопределённость и агентивность. Объединить эти классы опять-таки помогает формальный аппарат лексико-семантических структур: общим для большей части *j*-глаголов является семантический предикат 'деятельности' (АСТ).

Указанные корреляции между семантикой первичного глагола и его морфологическим макрокласом обнаруживают высокую степень статистической существенности (см. таблицу 3) и очевидным образом возникли в результате грамматикализации соответствующих семантических противопоставлений, что подтверждается, в частности, тем, что как среди *j*-глаголов, так и среди *n/st*-глаголов немало лексем, возникших сравнительно недавно и не восходящих к древним слоям лексики.

С типологической точки зрения, как уже указывалось, рассматриваемое явление не является уникальным. Точнее будет сказать, что к области универсального принадлежат именно семантические параметры — агентивность/пациентивность, предельность/неопределённость, деятельность/изменение состояния, — иными словами, признаки, классифицирующие возможные типы ситуаций, лексикализирующиеся в глаголах языков мира. «Поверхностная» же реализация этих признаков, то, в какой именно об-

ласти грамматики они себя проявляют, естественно, зависит от конкретного языка. Это было наглядно продемонстрировано сопоставлением лексического состава и семантических доминант литовских глагольных классов с морфосинтаксическими классами глаголов в грузинском языке, где, при всём содержательном сходстве, указанные семантические факторы проявляются главным образом на уровне синтаксиса.

В заключение мне представляется необходимым ещё раз подчеркнуть, что как сам факт семантической мотивации морфологических классов первичных глаголов литовского языка, так и тем более типологическая неуникальность этого феномена глубоко неслучайны и свидетельствуют о том, что лексика и грамматика естественных языков самых разных генетической принадлежности, географической локализации и собственно лингвистического устройства, определяются универсальными семантическими параметрами.

Список сокращений

AOR — аорист, DO — прямой объект, ERG — эргатив, Inf — инфинитив, NOM — номинатив, PL — множественное число, Praes — настоящее время, Praet — прошедшее однократное время, PRF — перфектив, PRV — преверб, Sb — Субъект, SG — единственное число.

Литература

- Амбразас (ред.) 1985 — В. Амбразас (ред.). *Грамматика литовского языка*. Вильнюс: «Мокслас», 1985.
- Апресян 1974/1995 — Ю.Д. Апресян. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. М.: «Языки русской культуры», 1995. (1е изд. М.: «Наука», 1974).
- Апресян 2003 — Ю. Д. Апресян. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // В. С. Храковский (ред.). *Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие*. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 22—24 сентября 2003 г. СПб.: «Наука», 2003, с. 7—21.
- Апресян 2004 — Ю.Д. Апресян. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на оказывать) // Ю.Д. Апресян (ред.). *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой*. М.: «Языки славянской культуры», 2004, с. 13—33.
- Апресян (ред.) 2004 — Ю.Д. Апресян (ред.). *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. 2-е изд., испр. и доп.. М. — Вена: «Языки славянской культуры», Wiener Slawistischer Almanach, 2004.

- Аркадьев 2003 — П.М. Аркадьев. Фрагмент модели литовского спряжения (материалы к возможному Грамматическому словарю литовского языка) // *Материалы международной конференции Диалог 2003* (электронная публикация на сайте <http://www.dialog-21.ru>)
- Аркадьев, в печати — П.М. Аркадьев. Парадигматические классы первичных глаголов в литовском языке: Формальные противопоставления и их семантическая мотивация. В печати в сборнике *Балто-славянские исследования*.
- Булыгина 1970 — Т.В. Булыгина. Морфологическая структура слова в современном литовском языке (в его письменной форме) // В.М. Жирмунский, Н.Д. Арутюнова (ред.). *Морфологическая структура слова в индоевропейских языках*. М.: «Наука», 1970, с. 7—70.
- Булыгина 1977 — Т.В. Булыгина. *Проблемы теории морфологических моделей*. М.: «Наука», 1977.
- Булыгина 1982/1997 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: «Языки русской культуры», 1997, с. 45—112. (впервые опубл. в кн. О.Н. Селиверстова (ред.). *Семантические типы предикатов*. М.: «Наука», 1982, с. 7—7.)
- Вежбицкая 1999 — А. Вежбицкая. *Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелёва, под ред. Т. В. Булыгиной*. М.: «Языки русской культуры», 1999.
- Зализняк 2002 — А.А. Зализняк. *«Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию*. М.: «Языки славянской культуры», 2002.
- Зализняк 1967/2002 — А.А. Зализняк. *Русское именное словоизменение*. 2-е изд. // Зализняк 2002, с. 1—370. (1-е изд. М.: «Наука», 1967).
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. *Константы и переменные языка*. СПб.: «Алетейя», 2003.
- Крылов 1997/2002 — С.А. Крылов. «Русское именное словоизменение» А.А. Зализняка тридцать лет спустя: опыт ретроспективной рецензии с позиций неструктуралистской морфологии // Зализняк 2002, с. 699—748. (Впервые опубл. в А.С. Касьян, Ф.Р. Минлос (ред.). *Studia linguarum*, Т. 1. М.: РГГУ, 1997, с. 252—315.)
- Кустова 2004 — Г.И. Кустова. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. М.: «Языки славянской культуры», 2004.
- Мельчук & Жолковский (ред.) — И.А. Мельчук, А.К. Жолковский (ред.). *Толково-комбинаторный словарь русского языка*. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1984.
- Недялков & Сильницкий 1969 — В.П. Недялков, Г.Г. Сильницкий. Типология морфологического и лексического каузативов // А.А. Холодович (ред.). *Типология каузативных конструкций*. Л.: «Наука», 1969, с. 20—60.
- Падучева 1985 — Е.В. Падучева. *Высказывание и его соотносённость с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений*. М.: «Наука», 1985.

- Падучева 1996 — Е.В. Падучева. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.: «Языки русской культуры», 1996.
- Падучева 2004a — Е.В. Падучева. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: «Языки славянской культуры», 2004.
- Падучева 2004б — Е.В. Падучева. Накопитель эффекта и русская аспектология // *Вопросы языкознания*, № 5, 2004, с. 46—57.
- Падучева & Кустова 1994 — Е.В. Падучева, Г.И. Кустова. Словарь как лексическая база данных // *Вопросы языкознания*, № 4, 1994, с. 96—106.
- Плунгян 2000 — В.А. Плунгян. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: УРСС, 2000.
- Татевосов 2005 — С.Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // *Вопросы языкознания*. № 1, 2005, с. 108—141.
- Тестелец 1986 — Я. Г. Тестелец. *Эргативная конструкция и эргативообразное построение*. Диссертация ... кандидата филологических наук. М.: Институт языкознания АН СССР, 1986.
- Тестелец 2003 — Я. Г. Тестелец. *Грамматические иерархии и типология предложения*. Диссертация в виде научного доклада ... доктора филологических наук. М.: РГГУ, 2003.
- Филлмор 1968/1981 — Ч. Филлмор. Дело о падеже // В. А. Звегинцев (ред.). *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика*. М.: «Прогресс», 1981, с. 369—495. (Ch. Fillmore. The case for case // E. Bach, R. T. Harms (eds.). *Universals in Linguistic Theory*. New York etc.: Holt, Rinehart & Winston, 1968, pp. 1—88.)
- Чанишвили 1981 — Н.В. Чанишвили. *Падеж и глагольные категории в грузинском предложении*. М.: «Наука», 1981.
- Ackerman & Moore 2001 — F. Ackerman, J. Moore. *Proto-Properties and Grammatical Encoding. A Correspondence Theory of Argument Selection*. Stanford: CSLI, 2001.
- Alexiadou et al. (eds.) 2004 — A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert (eds.), *The Unaccusativity Puzzle*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Arkadiev 2005 — P.M. Arkadiev. On the semantic determinants of inflection class membership: Evidence from Lithuanian // К. Erk, A. Mellinger, S. Schulte im Walde (eds.), *Proceedings of the International Workshop on Verbal Features and Verb Classes, Saarbrücken, February 2005*, pp. 10—15.
- Aronoff 1994 — M. Aronoff. *Morphology by Itself. Stems and Inflectional Classes*. Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Bach 1986 — E. Bach. The algebra of events // *Linguistics and Philosophy*, Vol. 9 (1986), No. 1, pp. 5—16.
- Breu 1994 — W. Breu. Interactions between lexical, temporal, and aspectual meanings // *Studies in Language*, Vol. 18 (1994), No. 1, pp. 23—44.

- Butt & Geuder (eds.) 1998 — M. Butt, W. Geuder (eds.). *The Projection of Arguments. Lexical and Compositional Factors*. Stanford (CA): CSLI Publications, 1998.
- Carstairs 1987 — A. Carstairs. *Allomorphy in Inflection*. London etc: Croom Helm, 1987.
- Carstairs-McCarthy 1994 — A. Carstairs-McCarthy. Inflection classes, gender, and Principle of contrast // *Language*, Vol. 70 (1994), No. 4, pp. 737—788.
- Croft 1991 — W.C. Croft. *Syntactic Categories and Grammatical Relations. The Cognitive Organization of Information*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1991.
- Croft 1993 — W.C. Croft. Case marking and the semantics of mental verbs // Pustejovsky (ed.) 1993, pp. 55—72.
- Croft 1998 — W.C. Croft. Event structure in argument linking // Butt & Geuder (eds.) 1998, pp. 21—63.
- Dowty 1979 — D.R. Dowty. *Word Meaning and Montague Grammar*. Dordrecht: Reidel, 1979.
- Dowty 1991 — D.R. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*, Vol. 67 (1991), No. 3, pp. 547—619.
- Dressler et al. 2004 — W.U. Dressler, M. Kilani-Schoch, L. Pestal, N. Gagarina & M. Pöchträger. On the typology of inflection class systems // *11th International Morphology Meeting, Vienna, February 2004. Abstracts*, pp. 44—45.
- Filip 1999 — H. Filip. *Aspect, Eventuality Types, and Noun Phrase Semantics*. New York: Garland, 1999.
- Grimshaw 1990 — J. Grimshaw. *Argument Structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1990.
- Foley & Van Valin 1984 — W.A. Foley, R.D. Van Valin, Jr. *Functional Syntax and Universal Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Harris 1981 — A.C. Harris. *Georgian Syntax. A Study in Relational Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Harris 1982 — A.C. Harris. Georgian and the unaccusative hypothesis // *Language*, Vol. 58 (1982), No. 2, pp. 290—306.
- Harris 1985 — A.C. Harris. *Syntax and Semantics, Vol. 18: Diachronic Syntax: The Kartvelian Case*. New York etc.: Academic Press, 1985.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1993, pp. 86—120.
- Heeschen 1968 — C.F.E. Heeschen. *Einführung in die Grundprobleme der generative Phonologie mit besondere Berücksichtigung der litauischen Phonologie*. Bonn, 1968.
- Hewitt 1987 — B.G. Hewitt. Georgian: Ergative or active? // R.M.W. Dixon (ed.). *Studies in Ergativity*. (*Lingua* special issue, Vol. 71, Nos. 1—4). Amsterdam: North Holland, 1987, pp. 319—340.
- Holisky 1979 — D.A. Holisky. On lexical aspect and verb classes in Georgian // P.R. Clyne, W.F. Hanks, C.L. Hofbauer (eds.). *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*,

- Including Papers from the Conference on Non-Slavic Languages of the USSR (The 15th Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society)*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979, pp. 390—401.
- Holisky 1981 — D.A. Holisky. *Aspect and Georgian medial verbs*. New York: Caravan, 1981.
- Hopper & Thompson 1980 — P.J. Hopper, S.A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language*, Vol. 56 (1980), No. 2, pp. 251—299.
- Jackendoff 1983 — R. Jackendoff. *Semantics and Cognition*. Cambridge (MA): MIT Press, 1983.
- Jackendoff 1990 — R. Jackendoff. *Semantic Structures*. Cambridge (MA): MIT Press, 1990.
- Kratzer ms. — A. Kratzer. *The Event Argument and the Semantics of Verbs*. Manuscript, University of Massachusetts at Amherst.
- Krifka 1989 — M. Krifka. *Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Massentermen, Pluraltermen und Aspektklassen*. München: Fink, 1989.
- Krifka 1998 — M. Krifka. The origins of telicity // Rothstein (ed.) 1998, pp. 197—235.
- Lazard 1985 — G. Lazard. Anti-impersonal verbs, transitivity continuum and the notion of transitivity // H. Seiler, G. Brettschneider (eds.). *Language Invariants and Mental Operations*. Tübingen: Narr, 1985, pp. 115—123.
- Levin & Rappaport Hovav 1990 — B. Levin, M. Rappaport Hovav. The lexical semantics of verbs of motion: The perspective from unaccusativity // I. M. Roca (ed.). *Thematic Structure: Its Role in Grammar*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1990, pp. 247—269.
- Levin & Rappaport Hovav 1995 — B. Levin, M. Rappaport Hovav. *Unaccusativity. At the Syntax — Lexical Semantics Interface*. Cambridge (MA): MIT Press, 1995.
- Levin & Rappaport Hovav 1998 — B. Levin, M. Rappaport Hovav. Building verb meanings. // Butt & Geuder (eds.) 1998, pp. 97 — 134.
- Levin & Rappaport Hovav 2000 — B. Levin, M. Rappaport Hovav. Classifying single argument verbs // P. Coopmans, M. Everaert, J. Grimshaw (eds.). *Lexical Specification and Insertion*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2000, pp. 269—304.
- Lyberis 1962 — A. Lyberis. *Lietuvių-rusų kalbų žodynas*. Vilnius, 1962.
- Lieber & Baayen 1997 — R. Lieber, H. Baayen. A semantic principle of auxiliary selection in Dutch // *Natural Language and Linguistic Theory*, Vol. 15 (1997), No. 4, pp. 789—845.
- Matthews 1972/1991 — P.H. Matthews. *Morphology*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. (1st ed. 1972.)
- Merlan 1985 — F. Merlan. Split intransitivity: Functional oppositions in intransitive inflection // J. Nichols, A. Woodbury (eds.). *Grammar Inside and Outside the Clause. Approaches to Theory from the Field*. Cambridge: CUP, 1985, pp. 324—362.
- Mithun 1991 — M. Mithun. Active/agentive case marking and its motivations // *Language*, Vol. 67 (1991), No. 3, pp. 510—546.

- Mourelatos 1981 — A.P. Mourelatos. Events, processes, and states // Ph. Tedeschi, A. Zaenen (eds.). *Syntax and Semantics, Vol. 14: Tense and Aspect*. New York etc.: Academic Press, 1981, pp. 191—212.
- Müller et al (eds.) 2004 — G. Müller, L. Gunkel, G. Zifonun (eds.). *Explorations in Nominal Inflection*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2004.
- Nichols et al. 2004 — J. Nichols, D.A. Peterson, J. Barnes. Transitivity and detransitivizing languages // *Linguistic Typology*, Vol. 8 (2004), pp. 149—211.
- Perlmutter 1978 — D.M. Perlmutter. Impersonal passives and the Unaccusative hypothesis // *Proceedings of the 4th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: BLS, 1978, pp. 157—189.
- Plank (ed.) 1991 — F. Plank (ed.). *Paradigms. The Economy of Inflection*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1991.
- Primus 1999 — B. Primus. *Cases and Thematic Roles. Ergative, Accusative and Active*. Tübingen: Niemeyer, 1999.
- Pustejovsky 1991 — J. Pustejovsky. The syntax of event structure // B. Levin, S. Pinker (eds.). *Lexical and Conceptual Semantics*. (Special issue of *Cognition*, Vol. 41 (1991), Nos. 1—3), pp. 47—81.
- Pustejovsky 1995 — J. Pustejovsky. *The Generative Lexicon*. Cambridge (MA): MIT Press, 1995.
- Pustejovsky (ed.) 1993 — J. Pustejovsky (ed.). *Semantics and the Lexicon*. Dordrecht: Kluwer, 1993
- Rosen 1984 — C.G. Rosen. The interface between semantic roles and initial grammatical relations // D.M. Perlmutter, C.G. Rosen (eds.). *Studies in Relational Grammar 2*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1984, pp. 38—77.
- Rothstein (ed.) 1998 — S. Rothstein (ed.). *Events and Grammar*. Dordrecht: Kluwer, 1998.
- Senn 1966 — A. Senn. *Handbuch der Lithauischen Sprache. Bd. I. Grammatik*. Heidelberg: Winter, 1966.
- Shibatani & Pardeshi 2002 — M. Shibatani, P. Pardeshi. The causative continuum // M. Shibatani (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2002.
- Smith 1991/1997 — C. Smith. *The Parameter of Aspect*. Dordrecht: Kluwer, 1997. (1st ed. 1991)
- Sorace 2000 — A. Sorace. Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs // *Language*, Vol. 76 (2000), No. 4, pp. 859—890.
- Stang 1966 — Chr. S. Stang. *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*. Oslo, Bergen, Tromsø: Universitetsforlaget, 1966.
- Talmy 1985 — L. Talmy. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical form // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vols. 1—3. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, Vol. 3, pp. 57—149.

- Talmy 1988/2001 — L. Talmy. Force dynamics in language and cognition. // L. Talmy. *Toward a Cognitive Semantics*. Vols. 1—2. Cambridge (MA): MIT Press, 2001, Vol. 1, pp. 409—470. (Orig. pub. in *Cognitive Science*, Vol. 12 (1988), pp. 49—100.)
- Tatevosov 2002 — S.G. Tatevosov. The parameter of actionality // *Linguistic Typology*, Vol. 6 (2002), No. 3, pp. 317—401.
- Tenny & Pustejovsky (eds.) 2000 — C. Tenny, J. Pustejovsky (eds). *Events as Grammatical Objects*. Stanford (CA): CSLI Publications, 2000.
- Testelec 1998 — Y. G. Testelec. On two parameters of transitivity // L. Kulikov, H. Vater (eds.). *Typology of Verbal Categories. Papers Presented to Vladimir Nedjalkov on the Occasion of his 70th Birthday*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1998, pp. 29—46.
- Tsujimura 1991 — N. Tsujimura. On the semantic properties of unaccusativity // *Journal of Japanese Linguistics*, Vol. 13 (1991), pp. 91—116.
- Tsunoda 1981 — T. Tsunoda. Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood // *Linguistics*, Vol. 19 (1981), No. 5/6, pp. 389—438.
- Tsunoda 1985 — T. Tsunoda. Remarks on transitivity // *Journal of Linguistics*, Vol. 21 (1985), No. 2, pp. 385—396.
- Ulvydas (red.) 1971 — K. Ulvydas (red.). *Lietuvių kalbos gramatika. II tomas. Morfologija*. Vilnius: Mintis, 1971.
- Van Valin 1990 — R.D. Van Valin, Jr. Semantic parameters of split intransitivity // *Language*, Vol. 66 (1990), No. 2, pp. 221—260.
- Vendler 1967 — Z. Vendler. Verbs and times // Z. Vendler. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1967, pp. 97—121.
- Verhaar 1990 — J. M. Verhaar. How transitive is intransitive? // *Studies in Language*, Vol. 14 (1990), No. 1, pp. 93—168.
- Verkuyl 1989 — H. Verkuyl. Aspectual classes and aspectual composition // *Linguistics and Philosophy*, Vol. 12 (1989), No. 1, pp. 39—94.
- Vogt 1971 — H. Vogt. *Grammaire de la langue géorgienne*. Oslo: Universitetsforlaget, 1971.
- Wierzbicka 1980 — A. Wierzbicka. *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language*. Sydney etc.: Academic Press, 1980.
- Wierzbicka 1985 — A. Wierzbicka. *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma, 1985.
- Wierzbicka 1988 — A. Wierzbicka. *The Semantics of Grammar*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988.
- Wierzbicka 1996 — A. Wierzbicka. *Semantics. Primes and Universals*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1996.
- Zaenen 1993 — A. Zaenen. Unaccusativity in Dutch: Integrating syntax and lexical semantics // Pustejovsky (ed.) 1993, pp. 129—161.